

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

О.И. ШКАРАТАН

Евразийский вектор русского цивилизационного транзита

Статья 2. Исторические корни специфической русской цивилизации и направления ее транзита

Во второй статье цикла (первую см. “ОНС”, 2014, № 3) автор исследует проблемы становления специфических черт российской цивилизации на протяжении всей ее истории. Этакратизм предстает как социально-экономическая основа евразийства. Посткоммунистический период развития России характеризуется как неоекратизм.

Ключевые слова: российская цивилизация, государство, этакратизм, неоекратизм.

In the second article of the series (see the first one in “ONS”, 2014, № 3) the author explores the problems of formation of specific features of Russian civilization throughout its history. Etakratizm appears as a socio-economic basis of Eurasianism. Post-communist Russia's development is characterized as neoetakratizm.

Keywords: Russian civilization, the state etakratizm, neoetakratizm.

Факторы специфичности русской истории

Я придерживаюсь следующего концептуального видения развития России. Современное российское общество, так же как и предшествовавшие ему советское и российское, относится к особой евразийской цивилизации, которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе. Таким образом, в социальном пространстве Европы сосуществуют, по меньшей мере, две самостоятельные цивилизации, другими словами, две существенно различающиеся “Европы”.

В ответ на давление межцивилизационного напряжения (так называемого “конфликта цивилизаций”) началась цивилизационная консолидация Запада, институционально выразившаяся в создании и развитии военного Североатлантического блока, а также экономического и политического Европейского союза. Характерно, что Трехсто-

Шкаратан Овсей Ирмович – доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ.

ронняя комиссия (международная организация, координировавшая усилия элит США, Западной Европы, Японии) в начале 1990-х гг. приняла модель развития Европы на основе ее разделения на римскую и византийскую части. В первую были включены страны, отнесенные к единой цивилизации с общей историей, религией и культурой; границей должны были послужить восточные рубежи Польши [Пономарева, 2009, с. 119–120].

Исходные посылки, положенные мной в основу оценки “влияния пройденного пути” на современную Россию, – это обобщение концептуальных подходов таких современных отечественных авторов, как А. Ахиезер, Ю. Пивоваров, В. Пастухов, Р. Нуреев, И. Чубайс, А. Сусоколов, И. Яковенко и многие другие. Они отмечали решающую роль следующих факторов специфичности отечественной истории, организации экономической и социальной жизни, культуры и менталитета русских: рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями; исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата; наконец, и это самое важное, – многовековой процесс собирания земель, то есть экстенсивный территориальный рост на протяжении примерно 600 лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны, а как следствие – огромного напряжения народных сил.

Русское государство почти три столетия испытывало тяготы татаро-монгольского ига. Власть русских князей, а затем царей стала приобретать все более деспотические, автократические черты. Русские князья волей или неволей перенимали опыт ханов-завоевателей. В результате в стране все более утверждалась авторитарная традиция. Власть безраздельно владела, пользовалась и распоряжалась землей, всем имуществом, включая людей. Преклонение перед властью, нарушения закона, мздоимство перестали вызывать возмущение, вписались в повседневность жизни. Напротив, трудолюбие, предприимчивость порицались на уровне массового сознания на всех этапах истории России. Забитость, долготерпение русских вылились в вековое рабство большей половины населения. Крепостное право привело к формированию традиции сервиллизма. Рабство развращало и господ, и (еще более) рабов. Многие вдумчивые авторы с огорчением отмечали, что в массовых представлениях о “правильной” жизни успешным считали скорее сильного хама, хапугу, присваивающего чужое добро, чем добросовестного предпринимателя или простого работника, зарабатывавших созидательным трудом. В отличие от Запада, в Руси/России либерализм и демократия, строящиеся на представлениях о свободе как ответственности человека за свои действия и уважении к закону, развития не получили.

В этой связи Ю. Левада писал: «...в России никогда не были возможными эффективные (соответствующие каким бы то ни было замыслам и планам) изменения “сверху” – каждая волна перемен, навязанных волей власти или стечением обстоятельств, переходя от одного временного слоя к другому, от центра к периферии, трансформировались многократно, создавая как очаги молчаливого сопротивления, так и многообразные формы мимикрии и приспособления к переменчивым обстоятельствам. Сопротивление любым переменам (независимо от их направленности) в России всегда опиралось прежде всего на эту инерцию социального и человеческого “материала”, в меньшей мере – на чье-то заинтересованное или привычное противодействие» [Левада, 2006, с. 275, 276].

Однако опыт многовековой отечественной истории никоим образом не пессимистичен. После длительных периодов сопротивления переменам, после периодов колебаний и сомнений в своих силах русская цивилизация всегда приходила к успехам и победам. К одной из своих давних статей я выбрал эпиграфом слова писателя Г. Владимова: “Немцы выигрывают все сражения, кроме последнего; русские же – напротив, все проигрывают, – кроме последнего. Эту черту признает мир и восхищается ею, пусть бы он презирал все другие, – способность упереться на последнем рубеже и от него начать по-другому... Эта черта, пожалуй, устрашительнее для недругов нашей

Свободы, пытающихся нас загнать обратно, откуда мы сумели вырваться. Может быть, мы им проиграем все бои. Кроме последнего”. Уникальное качество. Необходимейшее не только при борьбе за независимость. И блистательные успехи в науках, искусствах, показывают огромность творческого потенциала русской цивилизации. Какими свойствами национального характера, национальной ментальности были заданы эти и поражения, и победы?

По соседству с Русью/Россией развивалась Европа. С отливом народной жизни с Приднестровья на Северо-Восток порвались повседневные связи с Европой. Интересы собственно русских (будущих великороссов), формировавшихся как народ в бассейне Верхней Волги, ставшей главной рекой хозяйственной и государственной жизни, сместились резко на Восток. Будущие белорусы и украинцы подпали под чуждую власть Великого княжества Литовского, утратив и политические, и во многом экономические и культурные связи с восточными русскими княжествами.

Но прошло время, и именно Северо-Восточная Русь приняла на себя миссию собирания русских земель. И здесь-то по мере восстанавливающихся контактов с не столь уж продвинутыми западными соседями (Литва, Польша, Швеция) стало очевидным многопоколенное отставание страны. Со времен первого независимого правителя России Ивана III и до Петра Великого шло, превратившееся затем в привычную повседневность, присвоение прогрессивных технико-экономических и культурно-бытовых новаций с Запада **при консервации институциональных и ценностно-нормативных структур**. Однако этот путь каждый раз приводил страну после периода динамичного развития к длительной стагнации и необратимому отставанию от стран, образующих ядро мир-экономики.

Об этом писал уникальный знаток России, ее культуры, ее истории Дж. Биллингтон: “Не раз русские пытались завладеть плодами других культур в одночасье, без переходного процесса медленного роста и глубинного понимания. Россия приняла византийское наследие, так сказать, оптом, не вникая в подробности и не усвоив традиций спокойных, сдержанных философских рассуждений. Дворянство переняло язык и стиль французской культуры, но не ее критический дух... Радикальная интеллигенция благоволила перед западной наукой XIX в., однако же не воссоздавала ту атмосферу свободной критики, которая и сделала возможным научный прогресс” [Биллингтон, 2001, с. 687]. Как давно установили историки, только стимулирование творческого развития на базе собственной традиционной культуры может вывести страну из состояния отсталости и застоя.

Русь и Орда

До середины XIII в., то есть до монгольского нашествия, Русь была типичным европейским раннефеодальным обществом. Власть распределялась между князьями, боярством, церковью и городскими вече. Постепенно складывались подобные другим странам Европы социально-экономические отношения с частной собственностью, зависимым крестьянством, растущими городами с сильным купечеством и развитым ремеслом. “Тогдашние русские города были настоящими западными городами. Киевская Русь веками славилась именно блеском своих городов, символизировавших материальное благополучие страны: в этом плане между Западом и Востоком Европы не наблюдалось никакого разрыва”. И тот же автор добавляет, что невозможно представить себе Киевскую Русь, которая бы не защищала пространство от Балтики до южных морей, не контролировала бы торговые связи между ними [Бродель, 2008, с. 502, 504]. Однако то обстоятельство, что русская цивилизация, русский мир, начиная с X в., оказались в орбите Византии, способствовало становлению и постепенному углублению различий между Восточной и Западной Европой.

Западная церковь, экуменическая по сути, выходит за рамки отдельных государств, она сохраняет во все времена свою иерархию, централизацию, единый язык – латынь, который выступает орудием единения. Византийская же церковь существовала в гра-

ницах мощной империи, господствовавшей над церковью, подчинившей ее своим интересам и ограничившей ее влияние только духовной сферой. “Православная церковь, пустившая корни в России, в меньшей степени, чем западная, отличалась от своих верующих и была наполовину равнодушной к политике” [Бродель, 2008, с. 506].

Согласно концепции Ю. Пивоварова и Ф. Фурсова, системообразующим элементом русской истории выступала “Власть – не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на несоответствующий этой реальности западный манер – буржуазный или антибуржуазный...”. По их мнению, такие властные отношения – результат влияния ордынского господства на Русь. Именно Орда принесла на Русь принцип “Власть – все, население – ничто”; “Власть – единственно значимый социальный субъект” [Пивоваров, Фурсов, 1999^а, с. 188–190]. Получается, что ордынское нашествие как бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то иной: «...ордынское иго не просто изменило властные отношения на Руси – оно выковало, вылепило принципиально нового, невиданного доселе в христианском мире субъекта-мутанта. Дело в том, что в домонгольской Руси власть была рассредоточена между углами четырехугольника: князь – вече – боярство – церковь... ни в одном случае князь не был единственной властью – Властью с большой буквы, и в целом ситуация была похожа на европейскую... Проблему решила Орда. Именно ее появление обеспечило тем князьям, которые шли на службу ордынскому орду – Александру Невскому, а затем московским Даниловичам, – ту “массу насилия”, которая обесценивала властный потенциал боярства и веча... Христианский мир носит полисубъектный характер по определению. Субъектность предполагает наличие двух и более сторон. В христианском мире, а Русь была его частью, субъектны индивиды, корпорации (цехи, университеты), города, монархи. Орда создала на Руси такую ситуацию, когда единственным субъектом стала Власть. Да еще церковь – по поручению Власти» [Пивоваров, Фурсов, 1999^б, с. 182–183].

Именно ордынская система на смену формировавшемуся, но еще не сложившемуся феодальному классовому обществу Киевско-Новгородской Руси привела вместе с азиатской деспотией и азиатский (государственный) способ производства, и рыхлую бесклассовую социальную структуру социума без частной собственности, без социальных групп собственников. В ту эпоху и сформировались на столетия вперед качественные отличия русской/российской социетальной системы от европейской.

В. Пастухов писал: “Если германские народы, окропив греко-римское поле своей кровью, способствовали укоренению в нем семян племенной демократии, чем обусловили ведущую роль гражданского общества в западной истории, то Орда одарила Русь вирусом восточной государственности. Завоевание Китая не прошло для монголов бесследно. В государственном строе, даже в менталитете Орды отразился дух древнейшей культуры Востока. Монголы перенесли китайскую культуру на запад, как комар переносит малярию. Китайский экстракт, разбавленный монгольской воинственностью, компенсировал извечную славянскую неспособность к формированию государственности без посторонней помощи. Но с преимуществами пришлось усвоить и недостатки. Государство навсегда возвысилось над русским обществом и превратилось в главный фактор его культурного развития. В русской культуре много противоестественных сочленений. Одно из них – соединение общества, тяготеющего к западному типу, с государственностью восточного типа” [Пастухов, 2005, с. 69].

Именно на этой исторической почве и сформировался сословный строй, сословный порядок как отличительная институциональная и стратификационная система Московской Руси – царской России. Выдающемуся русскому историку В. Ключевскому было очевидно, что по типу социальных отношений средневековая Русь/Россия относится к сословной системе. Вот как он определял понятие “сословия”: «Сословием мы называем классы (“класс” для него здесь просто синоним понятия “груп-

па”. – О.Ш.), на которые делится общество по правам и обязанностям, учрежденным верховной властью». И далее: “Сословное деление существенно юридическое, устанавливается Законом в отличие от других общественных делений”. Это, в первую очередь, юридическое, а не, скажем, этническо-религиозное или экономическое деление. Принадлежность к сословию передается по наследству, но не строго, что способствует относительной открытости данной системы [Ключевский, 1918, с. 79].

Очевидно качественное отличие этой системы отношений, с всесилим верховной власти, неурегулированностью отношений собственности законодательством, размытостью обязанностей и т.д., от западно-европейской феодальной – с ограниченными законом правами верховной власти, символизирующей волю государства. Поэтому никак нельзя согласиться с теми, кто относят к развитым сословным системам в равной степени феодальные западно-европейские общества и средневековую Россию. Западно-европейское общество в его зрелом состоянии, с феодами и закрепленной частной собственностью – скорее, вид классового, а не сословного общества.

Как справедливо отмечает (вслед за Г. Плехановым) А. Аузан, крепостничество – совсем не то же, что поземельная феодальная зависимость в Западной Европе. Феодальная зависимость строится на том, что крестьянин владеет наделом и за это несет обязанности. В России же крестьянину не надо было обменивать свою свободу на владение землей, свободных земель было в достатке. Поэтому происходило обратное. Не земля закреплялась за крестьянином, а он за землей. Очевидно, что “эта схема вообще не работает как экономическая схема. Если не будет постоянно присутствовать принуждение государства, у крестьянина нет стимула оставаться – его нужно удерживать” [Аузан, 2004, с. 19–20]. Он также напоминает, как формировалась Московская Русь – на сугубо военно-поместных отношениях, без торгово-ремесленных структур, столь органичных для Киевско-Новгородской Руси. Поэтому не случайно, что “злейшим врагом для Московского государства стал Новгород”. Его уничтожали несколько раз под корень, “потому что это было антитело”. Ни вечевых городов, ни городских республик не осталось [Аузан, 2004, с. 19–20].

Примем во внимание столь определяющую для судеб народа составляющую его исторического развития, как история отношений собственности. Как и всюду на Востоке, со времен Золотой Орды на Руси, а позднее в Российском государстве отдельный человек мог быть не собственником, а лишь владельцем. Верховным собственником прежде всего земли и высшей абсолютной властью над подданными было государство, которое со времен Ивана Грозного превратилось в типичную деспотию, а все подданные оказались в состоянии поголовного рабства.

Лишь во второй половине XVIII в. возникла частная собственность на землю и другое имущество наряду с гражданскими правами для привилегированного дворянского меньшинства. В 1762 г. император Петр III издал указ, по которому дворяне были освобождены от обязательной службы с сохранением прав на землю. Но этот документ не внес полной определенности в статус земли и работавших на ней крестьян (до того находившихся в собственности государя). Тем не менее можно считать, что с этого времени в России появился класс свободных подданных, не зависевших от государства. В 1765 г. Екатерина II своим указом объявила владельцев поместий вне зависимости от наличия документальных подтверждений *de jure* собственниками земель. Наконец, в 1785 г. императрица подписала знаменитую Жалованную грамоту дворянству, по которой “благородное российское дворянство” получило в полную и неотчуждаемую собственность свои владения, то есть земли, заселенные крестьянами. Произошло это на шесть столетий позже, чем в Англии. Само понятие “собственность”, введенное Жалованной грамотой, вошло в обиход, к примеру, в Германии еще в первой половине XIII в. Грамота декларировала “вольность и свободу дворян”, добровольный характер их службы государству.

В том же 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту городам. Горожане были разделены на два сословия – купцов и мещан. И те и другие могли владеть и пользоваться движимой и недвижимой собственностью [Пайпс, 2000, с. 248–249,

251; Миронов, 2000]. Что же касается основной массы населения – крестьянства, то их превращение в собственников обрабатываемой ими земли так и не завершилось вплоть до 1917 г. [Собственность... 2002]. Как пишет Б. Миронов: «Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине, и все ее члены пользовались ею на равных основаниях, производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян. Начиная с 1861 года, сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после столыпинской реформы – “черный передел”, т.е. экспроприация всех частновладельческих земель – и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян – в пользу крестьянской общины». К этому автор добавляет (и подчеркивает свое суждение): “...крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была привнесена в город крестьянами и, естественно, усвоена рабочим классом” [Миронов, 2000, т. 1, с. 344].

Анализ совокупности данных по экономическому и социальному развитию России в XVIII–начале XX в. позволяет сделать вывод, что в канун Октябрьского переворота 1917 г., несмотря на огромные успехи в становлении социально-экономических форм капитализма, европейская линия в развитии России еще не победила. Ключевым здесь было то, что для большинства россиян частная собственность еще не стала традицией. Реформы П. Столыпина не успели трансформировать члена сельской общины в независимого фермера. Другими словами, Россия не прошла тот путь от традиционного общества к феодальному, и от него к капиталистическому, который проделали страны европейского цивилизационного ареала. Привнесенный же с Запада социализм был трансформирован в парадигматику традиционных крестьянских представлений о правильной жизни. Поэтому большевизм получил (в отличие от европейских стран) серьезную социальную базу в России.

Следует заметить, что идеологами советского режима предпринимались настойчивые попытки навязать ученым отождествление средневековой Руси/России с западными феодальными государствами. В традициях национальной исторической школы, олицетворяемой такими классическими именами, как С. Соловьев, В. Ключевский, П. Милюков, Г. Вернадский, всегда подчеркивалась специфика социально-культурного пространства России по сравнению с Западной Европой. Не признавалось существование феодализма в средневековой России [Черникова, 2005, с. 90–108]. В этой связи весьма ценны суждения выдающегося русского историка и видного либерала П. Милюкова. Еще в годы революции он доказал, что Руси/России было присуще специфическое (пульсирующее) развитие общества, состоявшее в закреплении и раскреплении сословий государством. Данная концепция, разработанная либеральной академической наукой, являет собой пример реального научного прогноза, в котором утверждается возможность воспроизводства в будущем параметров социально-экономических отношений, уже имевшихся в прошлом.

Универсальностью этих параметров объясняется поразительный факт, зафиксированный Милюковым: русская история XX в. ближе к истории XVII в., чем XIX в. По его мнению, аграрная революция начала XX в., сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным для него огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном [Милюков, 2001]. На этой основе стало возможным фактическое восстановление квазисословной системы, закреплении сословий государством, формирование особого служилого слоя (номенклатуры) в СССР. То есть реализовалась возможность воспроизводства в будущем (в нашем случае – советском) параметров социальных отношений, имевших место в прошлом. Можно констатировать, что данная концепция позволяет объяснить, почему вопрос о радикальном изменении форм собственности возникал в российской истории с регулярной периодичностью на этапах крупных реформ и столь же регулярно отодвигался в сторону в застойное время [Медушевский, 2007, с. 75].

Я проиллюстрирую концепцию Милюкова весьма характерным высказыванием А. Кончаловского, его оценкой современной культуры нашего народа: “Культура народа сегодня успешно освободилась от европейских традиций, которые были насильно навязаны ей Петром, и от той части европейского русского, что было воспитано за 300 лет. Поэтому сегодня царствует Московия, ордынский синдром и видимость демократии... Народ как был языческим, так во многом им и остается... Вспомните огромные очереди в Храм Христа Спасителя – к поясу Богородицы. Вспомните отдельный вход для ВИП-персон. Лично я вижу в этом что-то очень древнее, скорее всего, язычество, которое сохранилось в русском православии и до сих пор не изжито”. В подтверждение Кончаловский приводит слова Л. Толстого, в размышлениях о русской религиозности отмечавшего, что языческая вера в одухотворенность предмета перешла в русское православие и не была искоренена (top.rbc.ru/viewpoint/30/04/2013/856341.shtml).

Таким образом, под влиянием исторических факторов сработала, реализовала себя *path dependence theory*, воспроизведя в XX–XXI вв. сословно-властные отношения и морально-этические ценности, казалось бы, давно умершей средневековой Руси. Позаимствую у Пивоварова глубокие наблюдения “со стороны” американского исследователя Ш. Фицпатрик: “Подчеркивая идею классовой принадлежности, новый строй (советское общество) умудрился *de facto* вернуться к прежней... сословной системе, при которой права и привилегии зависят от того, чем ты официально считаешься – дворянином, купцом... или крестьянином”. Главными остались отношения человека с государством. Ибо оно – распорядитель товаров в системе экономики хронического дефицита. Значимые социальные иерархии в СССР основывались не на производстве, а на потреблении, статус в реальной жизни был связан с большим или меньшим доступом к жизненным благам, что определялось привилегиями, даруемыми государством (цит. по [Пивоваров, 2014, с. 76]).

В постсоветской реалии многие черты этой средневековой сословности, к сожалению, сохранились. Другими словами, исторические корни современного российского порядка уходят в многовековые порядки страны – носительницы евразийской право-славной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества.

Этакратизм – социально-экономическая основа евразийства

Внутри российской цивилизации и на ее основе постепенно сформировалась и развивалась этакратическая социетальная система (в советское время – квазисоциалистическая). Эта система ориентирована “на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большому количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания”. При этом контроль над экономическим излишком – внешний по отношению к экономической сфере, поскольку он находится в руках обладателей власти в государстве [Castells, 1997, p. 16].

Существенно дополняет изложенные позиции институциональная теория хозяйственного развития России О. Бессоновой. Центральным для ее концепции является предположение, что наряду с рыночными экономическими системами в мире существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие собственные законы развития раздаточные экономики. В ней прослеживается влияние выдающегося институционалиста К. Поланьи (в частности, его концепции отношений редистрибуции) и отечественных авторов, пишущих по проблемам азиатского способа производства.

Экономика России имеет природу раздаточной системы на протяжении всех циклов своей истории. Однако в каждом цикле (конец IX–XIII в., конец XIV–середина XIX в., 1920–1980 гг.) существовала своя форма воплощения раздаточной экономики. В “створе” между этими основными периодами русской истории существовали переходные периоды, во время которых получали распространение элементы, сходные с европейскими институтами того же времени, возникла частная собственность, распространялись товарно-денежные отношения. В основные же периоды господствует

общественно-служебная собственность и сдаточно-раздаточные отношения. Поскольку “чистых” экономик не существует, на каждом этапе присутствовала определенная доля отношений из противоположной системы, то есть в рыночных – раздаточные, в раздаточных – рыночные. В длительные переходные периоды происходит жесткая конфронтация неформально существующей раздаточной среды и формально распространенной рыночной. **В чередовании основных раздаточных и переходных квазирыночных периодов и выражается своеобразие траектории хозяйственного развития России как евразийской цивилизации.**

В постсоветские годы в стране складывается институциональная основа “либерального раздатка”, когда ядро раздаточной экономики воплощается в либерально-экономические формы. К этим формам относятся договорная модель управления, бюджетное регулирование, хозяйственная независимость основных экономических объектов ограниченно встроенного института рыночной торговли и частного предпринимательства [Бессонова, 2006; 2012].

В работах историков России предпринимались попытки раскрыть предпосылки доминирования распределительных, а не рыночных отношений в развитии страны и особой роли государства в ее жизнедеятельности. Как аргументы упоминались постоянные внешние агрессии, неблагоприятные географические, природно-климатические, демографические условия. Как подчеркивал крупнейший отечественный историк Соловьев, Российское государство образовалось “при самых невыгодных условиях, с громадной областью и малым народонаселением, нуждающееся в большом войске, заставляемое быть военным, хотя вовсе не воинственное, вовсе без завоевательных стремлений, имеющее в виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселения, государство бедное, земледельческое, и как только отношения в нем между частями народонаселения стали определяться по главным потребностям народной и государственной жизни, то оно и представило известное в подобных государствах явление: вооруженная часть народонаселения кормится непосредственно за счет невооруженной, владеет землюю, на которой невооруженный человек является крепостным работником” [Соловьев, 1996, с. 20–21].

Очевидно, что в этом специфическом социально-экономическом порядке, каковым был и поныне является этакратизм, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия носят специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия и всевластие Власти.

Осевой характеристикой государственного способа производства, или (в другой терминологии) – восточного деспотизма, точно так же, как и советского этакратизма, и постсоветского неозтакратизма являлись доминирующие отношения “власть-собственность”. Этот феномен был открыт и проанализирован блистательным востоковедом Л. Васильевым. Он отмечает, что речь идет о социально-экономическом строе, при котором типичная восточная община определяет макроструктуру государства. Основа восточной структуры – полное поглощение личности коллективом. Отдельный человек не становится собственником, он может быть лишь владельцем. Суть взаимоотношений между властью и собственностью всюду на Востоке (и добавим – в СССР и современной России) сводилась к тому, что все государственное – первично, а частное – вторично, к тому же опосредовано тем же государством. “Частная собственность превратилась в слугу государства, перестав быть его опасным соперником. Тем самым был внесен едва ли не решающий вклад в основную проблему традиционного Востока – в проблему взаимоотношений государства и общества” [Васильев, 1994, с. 486].

Верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными выступает государство, которое становится деспотией, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства. Детальный анализ отношений “власть-собственность” содержится в цикле публикаций Р. Нуреева, которому принадлежит

подробный институциональный анализ этого феномена. По его мнению, “Власть-собственность возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии” [Нуреев, Рунов, 2002, с. 12] (см. также [Нуреев, Латов, 2010; Плискевич, 2007]).

Исторически сложившиеся тенденции развития страны объясняют, почему в России на собственной национальной почве, не привнесенный извне, в 1917–1922 гг. победил режим, сломивший буржуазное, собственническое общество, лишь складывавшееся в стране, режим, приведший к торжеству этакратической (неоазиатской) линии развития. Эта же двойственность сложившихся тенденций развития страны помогает понять, почему большевизму пришлось прибегнуть к уничтожению десятков миллионов людей для “строительства социализма”, а на деле ради торжества этатистской линии развития. Однако это не удалось выполнить в полной мере потому, что Россия по своему психолого-историческому положению гораздо ближе к Западу, чем, скажем, многие страны Азии.

Длительный период существования этакратического общества во многом определил пути развития форм жизнедеятельности в имперской, советской и современной России. С одной стороны, возрастающая глобализация мировых экономических и социальных процессов, современный уровень развития средств массовой коммуникации не могли не привести к присвоению нашим обществом новейших форм и достижений культуры (это касается организации городского пространства, транспорта, архитектурных решений, элементов социального обслуживания и др.). В то же время разрыв социально значимых горизонтальных связей, неразвитость инфраструктуры личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни, деприватизация практически всех сторон жизнедеятельности привели к воспроизводству “усредненных” индивидов.

Традиционные политические институты Московской Руси/России

О традиционных политических институтах Московской Руси/России как предпосылках советского и постсоветского политических режимов пишет такой известный автор, как В. Межуев. По его мнению, власть в постсоветской России, при всем ее отличии от монархической и большевистской, обладает чертами удивительного сходства с последними: «В русском языке есть, пожалуй, слово, способное служить наименованием этой традиции. Слово это – самовластие, семантически близкое к понятию “авторитаризм”, но с более понятным для нас русским оттенком. Оно – лишь иное название русской власти, загадку которой пытается постичь не одно поколение исследователей русской истории... В России за пределами власти нет никакого общества, а есть только народ – безликая, однородная и безгласная этническая или конфессиональная (православный народ) общность» [Межуев, 2000, с. 94, 95].

В то же время и с не меньшим основанием немногочисленные авторы обосновывают наличие в национальной традиции слабой, но устойчивой линии на выборные начала, сочетавшиеся с российской государственностью. Здесь прослеживается ниточка от вечевых собраний и выборных глав городских общин в домонгольской Руси, сохранившихся вплоть до XVI в. в Новгородской республике и Пскове, а в городах Московской Руси – до конца XIV в.; в XVI в. сложились две системы выборных учреждений – земской и губной; венцом выборных институтов в допетровской России были Земские соборы XVI–XVII вв.; даже в императорской России существовали выборные преимущественно сословные органы управления, среди которых следует особо выделить общинное самоуправление у крестьянства [Медушевский, 1998; Черепнин, 1978].

В то же время не следует рассматривать эти выборные институты как зачатки европейской демократии. Это отчетливо понимал Ключевский, писавший: “Земский собор XVI в. тем существенно и отличался от народного собрания, как законодательного, так и совещательного, что на нем правительство имело дело не с народными представителями в точном смысле этого слова, а со своими собственными орудиями, и искало не полномочия или совета, как поступить, а выражения готовности собрания поступать так или иначе; собор восполнял ему недостаток рук, а не воли или мысли” (цит. по [Пивоваров, 2006, с. 14]). Другими словами, по меткому замечанию Б. Чичерина, царь совещался с подданными, как помещик со своими крепостными, но государственного учреждения из этого не могло образоваться [Пивоваров, 2006, с. 14].

Развитое сословное самоуправление не переросло “в реально действующие органы власти, ограничивающие свободу действий правительства”, как это было на Западе. Именно реализация традиционной модели самовластного правления, сложившейся в силу особенностей исторического и экономического развития и закрепившейся в политической культуре народа, не позволила развиваться действенным представительным органам власти.

Во многих работах А. Янова, с опорой на определенным образом подобранные данные об этапах постордынской истории Руси/России, обосновывается идея о борьбе в русской политической истории двух традиций – европейской и патерналистской (“назови ее хоть евразийской, монгольской или византийской”). Он пишет: «Упустите хоть на минуту из виду этот роковой дуализм русской политической традиции, и вы просто не сможете объяснить внезапный и насильственный сдвиг цивилизационной парадигмы России от европейской, заданной ей в 1480-е Иваном III Великим, к патерналистской – после самодержавной революции Грозного царя в 1560-е (в результате которой страна, совсем как в 1917-м, неожиданно утратила не только свой традиционный политический курс, но и саму европейскую идентичность). Не сможете вы объяснить и то, что произошло полтора столетия спустя. А именно, столь же катастрофический и насильственный обратный сдвиг к европейской парадигме при Петре... И все лишь затем, чтоб еще через два столетия настиг ее новый гигантский взмах исторического “маятника”, и она, по сути, вернулась в 1917 г. к парадигме Грозного, опять утратив европейскую идентичность. А потом всего лишь три поколения спустя новый взмах “маятника” в 1991-м. Как объясните вы эту странную динамику русской истории, не допустив, что работают в ней две противоположные традиции?» [Янов, 2001, с. 20].

Хотел бы солидаризироваться с историком В. Соловьев в его оценке суждений Янова. Он справедливо относит конструкцию Янова к теориям цикличности русской истории, основание которой составляет явное или имплицитное соотнесение России с Западом как образцом и нормой. При этом “отечественная история прочитывается как *неудавшаяся, неразвившаяся, не реализовавшаяся* в России западная модель” [Соловьев, 2004, с. 40]. Возникает вопрос: не является ли историческая эволюция России все же самоориентированной, зависимой от траектории собственного предшествующего развития, а не (по Янову) чередой неуклюжих попыток изменить направление своего движения, перейдя на так называемый “универсальный путь цивилизованного (то есть западного) человечества”.

Посткоммунистическая Россия как ядро Северной Евразии

Государства, образывавшие ядро евразийской цивилизации, на определенных этапах своего развития включали в орбиту своего влияния, подчиняли себе соседей с глубоко укорененными у тех иными традициями, ментальностью и т.д., то есть носителей иной (европейской) цивилизации. Страны Балтии, Центральной и Восточной Европы обладали большим опытом рыночной экономики, гражданского общества, правового государства. Они на протяжении примерно сорокапятилетнего периода советско-российского доминирования не случайно так и остались ненадежной периферией “реального социализма”. Все они принадлежали к католической и протестант-

ской христианским культурам. **С точки зрения теории цивилизации**, в результате единой восточноевропейской антикоммунистической революции 1989–1991 гг. **эти европейские страны вернулись к своей материнской цивилизационной основе.**

В евразийской же части ареала, географически охваченного “реальным социализмом”, в те же годы находились страны длительного господства государственного (азиатского) способа производства. В них столетиями отсутствовали как значимые частнособственнические отношения и доминировали отношения “власть–собственность”. В этих обществах не было классов, гражданских отношений, правового государства и т.д.

Поэтому в те же 1920–1980-е гг. этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, шедших другим историческим путем, чем Европа, – в России и Китае, Вьетнаме и Монголии. Не случайно и дальнейшее развитие России и ряда других государств бывшего СССР пошло по другому, неевропейскому, пути. И объяснение этому расхождению путей видится в глубинных различиях цивилизаций – европейской в первом случае и евразийской во втором.

Не случайны уникальные успехи экономики и культуры СССР в период “реального социализма” – органической фазы развития этой великой евразийской державы. Столь же не случайны последующие провалы страны в 1990-е гг., когда либеральные политики вслед за восточноевропейскими, не считаясь с реалиями страны, “повели” ее в Европу. Такого упадка Россия не извела даже в годы Второй мировой войны. Даже в 2011 г. уровень промышленного производства оставался на 20% ниже, чем в позднем СССР. Комментируя своих либеральных коллег, Кончаловский справедливо заметил: «Когда слышу отчаянные возгласы моих друзей “куда мы катимся!”, я терпеливо разъясняю уже который год: вы катитесь в монолитную, централизованную, нормальную “Московию”. Демократии здесь нет и быть не может... Давайте признаем: в России гражданского общества нет, граждан нет, есть население. Власть, лишённая общественного контроля, развивается и действует так, как она считает выгодным для себя» (http://www.chaskor.ru/article/Andrej_konchalovskij/33851).

В посткоммунистический период, когда в странах Центральной и Восточной Европы этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он изменился, трансформировался, но сохранился как неоэтакратизм. В социально-экономической жизни современной России наличествуют два разнородных типа социально-экономических отношений, которые сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны: при доминировании не сошедшего со сцены этакратизма в России как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства.

В современной России принцип “частности” действует в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Через присвоение приватизаторы, как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия: имущество, накопленное трудом многих поколений, природные ресурсы, бюджетные средства. Ничего удивительного, что российским олигархам практически невозможно защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку, в принципе, эта собственность была и осталась ничьей, как в советское время, ее легитимность остается под вопросом. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства сосредоточен в руках государственных чиновников и менеджеров государственных и частично частных корпораций.

Авторитарные традиции как доминировали в экономике страны в прежние эпохи, так и возвращают ныне свое доминирование. После потрясений 1990-х гг. страна постепенно возвращается на свой евразийский путь. Если еще в 2003 г. доля государства в отечественном бизнесе составляла 20%, то в 2013 г. – 50%. В отличие от западных компаний, которые пользуются правом владеть и контролировать собственные ресурсы и действовать как автономные экономические агенты, российские компании на международной арене выступают в роли политических акторов. Мощь России, как

и во все эпохи жизнедеятельности евразийской цивилизации, зиждется на государственном контроле над ресурсами. Возвращен в государственную собственность ряд ведущих предприятий топливной, металлургической и обрабатывающей отраслей. Более того, одновременно усилилось присутствие государства в других частных и смешанных компаниях, формально работающих в условиях капиталистической рыночной экономики.

Начиная с IX в. доминирующим типом экономического устройства Руси/России была раздаточная экономика лишь с вкраплением рынка. Одним из внешних проявлений этого институционального порядка был и тип первого капитализма в стране до Октябрьского переворота. Государство и чиновник были основными хозяевами экономики. Так, все банки были подчинены Российскому государственному банку. Частные компании вели в основном борьбу за государственные ресурсы в разных формах и опирались при этом на связи во властных структурах. Без малого век спустя история повторяется. Современная государственная элита концентрирует усилия на выращивании компаний – “национальных чемпионов”, поскольку по преобладающей позиции в руководстве экономикой, вне зависимости от формы собственности, государство может и реально направляет процесс развития в интересах не конкретных олигархов, а коллективных интересов элиты (выдавая их за общенациональные).

Сейчас мир втягивается в сумасшедшую гонку – соревнование в захвате места под солнцем глобальной информационной экономики. В мире существуют значительные области, не включенные в современную технологическую систему. Различное время доступа к технологической силе для людей, стран и целых цивилизаций – критический источник неравенства в современном мире. Своеобразная вершина в этом процессе – угроза исключения национальных и даже континентальных экономик из мировой информационной системы, а соответственно, – и из мировой системы разделения труда. В этом контексте стоит вопрос и о будущем России. И если выбор элит будет в стиле, предугаданном Биллингтоном (рынок без подготовительного процесса органического освоения духа и атмосферы информационного общества и информационной экономики, без опоры на корневые традиции национальной культуры и евразийской цивилизации), то возможно такое отставание в мировом соревновании, которое закрепит Россию как придаток одной из соседствующих цивилизаций, то есть на задворках мирового развития.

В соревновании цивилизаций позиция евразийского ареала – Северной Евразии по накопленному потенциалу намного менее удачнее, чем у наших соседей, которые также ищут пути выживания. При преимущественном значении человеческих ресурсов приходится принять во внимание, что в 1900 г. к евразийской цивилизации, точнее – к ее православному ядру относилось 8,5% населения Земли, в 1995 г. – 6,1%, в 2025 г. (прогноз) – 4,9%. В 1980 г. страны нашего ареала производили 16,4% мирового ВВП; в 1992 г. – 6,2% [Уткин, 2001, с. 4].

Распад коммунистической системы означал начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации: «...Россия следует своей исторической дорогой, а Запад – своей, пусть даже эти дороги периодически повторяют одни и те же изгибы... Адекватно описать ход русской истории можно скорее в рамках концепции “параллельного”, чем “догоняющего” развития» [Пастухов, 2006, с. 7–8].

Не бывает цивилизаций без обществ, которые являются их носителями. Общество никогда не может быть отделено от цивилизации, и наоборот, оба понятия касаются одной реальности [Бродель, 2008, с. 45, 63]. Категория “общество”, как и категория “цивилизация” – предмет многолетних дискуссий (этот вопрос подробно рассмотрен мной в [Шкаратан, 2012, с. 15–43]).

Конкретные общества выступают как некие целостности, в рамках которых и происходит воспроизводство материальных средств существования и самого человека. В этом смысле мы называем данные целостности “социальными организмами”, поскольку их основная функция – обеспечение вступающим в контакты людям необходимых условий для воспроизводства средств существования и самовоспроизводства. В число

таких условий входит единство территории, единство экономической жизни, общность языка (или наличие языка, служащего, наряду с другими, средством общения), единство социальных норм, стереотипов и ценностей, позволяющих группам людей устойчиво взаимодействовать, и т.д. Подобными социальными организациями=обществами в современном мире следует, видимо, признать национально-государственные общности, глобальную же систему мы будем рассматривать как совокупность локальных обществ. В отличие от других социальных совокупностей, они охватывают взаимоотношения и взаимосвязи социальных групп, выявляют в них общее, а не особенное. Их важнейшая функция – объединение социальных групп в некую целостность, в рамках которой могут осуществляться социальные взаимодействия, происходить социальные процессы.

Неоэтакратизм образует основу социально-экономического порядка всех стран, принадлежащих к евразийской цивилизации, причем стран с весьма несхожим уровнем развития, механизмом хозяйствования, специфической социально-политической системой. Эти общества различаются и степенью огосударствления собственности, и уровнем концентрации хозяйственной власти, и мерой открытости по отношению к внешнему рынку, и ролью правящей элиты, и степенью авторитаризма, и масштабами влияния репрессивных органов. Но во всех этих обществах мы наблюдаем чрезмерную власть государственного аппарата управления. Речь при этом идет о бюрократии особого типа, сосредоточившей в своих руках как политическую, так и экономическую власть.

Продолжая линию анализа развития России как представителя особой евразийской цивилизации, С. Кордонский применил для описания имперского, советского и современного российского обществ сословное представление о социальной стратификации и показал, что “сословия – а не классы – в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры”. В имперской России были одни сословия, в СССР – другие, в постсоветской России сейчас формируются третьи. Собственно, переходы от одних “россий” к другим и есть смены принципов сословного устройства [Кордонский, 2008].

В каждый момент времени существует некая совокупность локальных цивилизаций, которые обычно выстраиваются вокруг мировых религий. В этом контексте Россию можно уверенно отнести к православной цивилизации, в которой она столетиями занимает лидирующие позиции.

С точки зрения преемственности русской религиозности как важнейшей стороны российской цивилизации задолго до современных отечественных авторов подошел к оцениванию советской системы Н. Бердяев. В своей книге “Истоки и смысл русского коммунизма”, опубликованной первоначально на иностранных языках в 1937 г., а на русском – в Париже в 1955 г., он писал: “Русское коммунистическое государство есть единственный в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре мирозерцания, на ортодоксальной доктрине, обязательной для всего народа... Старая русская автократическая монархия имела корни в религиозных верованиях народа, она себя создала и оправдывала, как теократию, как священное царство. Новое русское коммунистическое государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях рабоче-крестьянских масс, оно тоже создает себя и оправдывает, как священное царство, как обратную теократию... Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. В нем то же удушьё”. И отсюда центральная для всей его книги мысль – советско-коммунистическая система определена всем ходом русской истории, она соответствует исконным русским традициям и “русским исканиям универсальной социальной правды”, “и русским методам управления и властвования насилием” [Бердяев, 1990, с. 93].

Современная неоэтакратическая система еще с большей полнотой продолжила развитие этой духовной конструкции, преемственной с московским православным царством. В отличие от советского времени общество становится все более клерикальным. И место коммунистической ортодоксии, еще недавно бывшей обязательной для

всего народа, занимает Русская православная церковь (РПЦ). Но положение Церкви совсем не простое. “Власть пытается при помощи РПЦ вернуть обратно морально-этические ценности XIX века. Это очень сложно сделать” [Кончаловский, 2013].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А.* Кризис ожиданий и варианты социального контракта // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М., 2006.
- Бессонова О.Э.* Институциональные матрицы для модернизации России // *Вопросы экономики*. 2012. № 8.
- Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.
- Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008.
- Васильев Л.С.* История Востока. Т. 1 (Вводная часть. Сущность проблематики). М., 1994.
- Ключевский В.О.* История сословий в России. Петроград, 1918.
- Кордонский С.* Сословная структура постсоветской России. М., 2008.
- Кончаловский А.С.* В какого Бога верит русский человек // *Российская газета*. 10 апреля 2013.
- Левада Ю.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006.
- Медушевский А.Н.* Аграрные реформы в России: проекты и реализация // *Мир России*. 2007. № 1.
- Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.
- Межуев В.* Традиция самовласти в современной России // *Свободная мысль*. 2000. № 4.
- Милюков П.Н.* История Второй русской революции. М., 2001.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. XVIII–начало XX. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 2000.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Россия и Европа: эффект колес (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010.
- Нуреев Р., Рунов А.* Россия: неизбежна ли деприватизация (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // *Вопросы экономики*. 2002. № 6.
- Пайнс Р.* Собственность и свобода. М., 2000.
- Пастухов В.Б.* Шаг назад, два шага вперед. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // *ПОЛИС*. 2005. № 6.
- Пастухов В.Б.* Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская власть, русская система, русская история // *Красные холмы. Альманах*. М., 1999^a.
- Пивоваров Ю., Фурсов А.* Русская Система и реформы // *Pro et Contra*. 1999^b. № 4.
- Пивоваров Ю.С.* О “советском” и путях его преодоления (статья первая). Советское uber alles // *ПОЛИС*. 2014. № 1.
- Пивоваров Ю.С.* Русская власть и публичная политика. *ПОЛИС*. 2006. № 1.
- Плискевич Н.М.* Мутации “власти-собственности”: проблемы и перспективы. М., 2007.
- Пономарева Е.* Почему не стало Югославии // *Свободная мысль*. 2009. № 6.
- Собственность на землю в России: история и современность*. М., 2002.
- Соловей В.* Россия накануне смуты // *Свободная мысль*. 2004. № 12.
- Соловьев С.М.* Публичные лекции о Петре Великом // *Соловьев С.М.* Соч. Т. 18. М., 1996.
- Уткин А.И.* Россия в мировом сообществе. Ч. 2. Региональные проблемы // *Мир России*. 2001. № 1.
- Черепнин Л.В.* Земские Соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
- Черникова Т.* Средневековое землевладение и проблемы феодализма в русской истории // *Общественные науки и современность*. 2005. № 5, 6.
- Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
- Янов А.* Россия. У истоков трагедии. 1462–1584. М., 2001.
- Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. The Rise of the Network Society. Oxford, 1997.